

Рагулина Милана Владимировна**Ragulina Milana Vladimirovna**

доктор географических наук,
ведущий научный сотрудник лаборатории
георесурсоведения и политической географии
Института географии им. В.Б. Сочавы
Сибирского отделения Российской академии наук,
профессор кафедры географии, безопасности
жизнедеятельности и методики
Педагогического института
Иркутского государственного университета

D.Phil. in Geography, Leading Research Associate,
Laboratory for Geographic Resource Studies
and Political Geography,
Sochava Institute of Geography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Professor, Department of Geography,
Health and Safety,
Pedagogical Institute of
Irkutsk State University

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ

VALUES OF ETHNIC AND ECONOMIC TRANSFORMATION OF THE TRADITIONAL LIFE SUPPORT FOR THE INDIGENOUS PEOPLES IN BAIKAL REGION

Аннотация:

В работе проводится анализ основных ценностных аспектов этноэкономического развития коренных малочисленных народов Прибайкалья – эвенков и тофов. Современные проблемы традиционной этноэкономики в таежном этнокультурном ландшафте представляют кумулятивный результат воздействия комплекса социальных, культурных и экономических факторов. Показана связь этноэкономических процессов и сохранения образа жизни коренных народов начиная с момента освоения Сибири, проходившего в две колонизационные волны. Прослеживаются меняющиеся особенности их землеустройства и аккумуляции, которые нашли выражение в характере этноэкономической ситуации. Отмечается взаимосвязь исторически обусловленных и сонастроенных с природой типов хозяйства и меняющихся ценностных стандартов общества в досоветский и советский периоды. Ценность ландшафта, разделяемая членами этноколлектива, влияет на состояние социальной сферы общества, способы использования жизнеобеспечивающих ресурсов и эффективность хозяйственной адаптации.

Ключевые слова:

ценности, традиционное природопользование, этноэкономическая трансформация, коллективизация, эвенки, тофы, местное сообщество, этнокультурный ландшафт, Прибайкалье.

Summary:

The article analyzes the main ethnic and economic values of the Evenks and Tofalars, the indigenous peoples of the Baikal region. The modern problems of traditional ethnic economics in the taiga ethnic and cultural landscape are the result of the integrated social, cultural and economic factors. The study shows the relationship between the ethnic and economic processes and the way of life of the indigenous peoples in the Baikal region since the Siberia development held in two colonization stages. The transformation of land management and the integration of cultures are reflected in ethnic and economic situation. The processes of a drastic change in the value systems of indigenous peoples took place in the pre-Soviet and Soviet periods. Values of the local landscape have an impact on the social sphere of society, the ways of using natural resources and the efficient economic adaptation.

Keywords:

values, traditional natural resource management, ethnic and economic transformation, collectivization, Evenks, Tofalars, local community, ethnic and cultural landscape, Baikal region.

Ценностные системы – фундаментальный компонент гуманитарной размерности ландшафта и деятельности по его освоению [1]. Система ценностей связана с деятельностью конкретного сообщества, она формируется под влиянием общественных отношений и реализуется в образе жизни определенной социальной группы. Этнокультурные ландшафты Прибайкалья представляют уникальное явление, где ресурсосберегающая этноэкономика обеспечивала стойкость традиционного образа жизни, особенности преемственности ценностных установок и связь со своей землей.

Коренные малочисленные народы Сибири (КМНС) и соседствующие с ними сибирские старожилы в ходе масштабных трансформаций значительно изменили стратегии природопользования, ритм освоения территории, отрасли хозяйства и в то же время сохранили ориентацию на прежний ресурсный комплекс, духовно-мировоззренческие основы связи с территорией, этику и систему запретов, регламентирующие поведение в ландшафте. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. в Прибайкалье (административно соответствующем территории Иркутской области) живут 678 тофов и 1272 эвенка. Исторический тип природопользования эвенков –

охотничье-промысловый и охотничье-оленоводческий с сезонным рыболовством, приуроченный к таежным и горно-таежным территориям севера области. Тофы – исконные жители горной тайги и предгорий Восточного Саяна, занимались охотничьим промыслом, оленеводством и коневодством.

Взгляд на традицию как динамичный феномен, трансформирующийся вместе с обществом, позволяет сфокусироваться не на консервационных, а, скорее, на ее адаптивных аспектах, что подтверждает анализ этноэкономических паттернов жизнеобеспечения [2].

Территории, осваиваемые коренными этносами тайги – эвенками и тофами в Прибайкалье, заселялись неравномерно. Данные участки неоднородны по уровню и качеству жизни населения, экономической обеспеченности и доступности основных благ. Объединяющим фактором является возраст освоения: КМНС в большинстве случаев заняли и обжидали их раньше иного населения, первыми превратив ландшафт с экстремальными природными условиями в культурный. Культурный ландшафт в нашем понимании – это прежде всего гармоничное единство природы, объектной среды, созданной человеком, деятельности по ее освоению на основе традиции, где подстроены и взаимно переплетены биологические, географические, экономические и культурные ритмы.

В хронологическом разрезе трансформация ценностных доминант этноэкономического развития началась со времен колонизации Сибири. Образ жизни обитателей аборигенных таежных, горно-таежных и лесостепных ландшафтов подчинен общему принципу одухотворения Земли, которую сложно зонировать по критерию сакральности, поскольку вся она населена духами [3]. Этот период характеризуется относительной автаркией при слабости обменных отношений, тенденцией к экономической самодостаточности. Большое значение имели социальные связи, определяющие выживание этноколлективов. Пространственный рисунок построенной среды в большинстве кочевых культур скуп, почти неуловим, что давало основание пришлому населению рассматривать эти территории как незанятые [4], а единственным маркером культурного ландшафта считать остатки стоянок, которые со временем исчезают. Большая часть земельных конфликтов успешно разрешалась с помощью законодательства, которое имело выраженный протекционистский характер, защищая интересы коренных народов как основных плательщиков ясака. Острая потребность в мехах – валюте того времени, обусловила лояльное отношение к аборигенам: в большинстве случаев они продолжили проживать в пределах освоенных ареалов, правительство сформировало начала самоуправления, обложило данью, обеспечив взамен военную защиту от недружественных племен. Для периода характерна двойственность ответа – уход части аборигенов в тайгу и сотрудничество другой части с новопоселенцами.

Ситуация изменяется с наступлением земледельческой волны колонизации. В XVIII в. начинается оттеснение аборигенов с родовых земель, потенциально пригодных для расчистки под пашню. Эти процессы более выражены в тайге и лесостепи, менее – в горной тайге, где природные условия неблагоприятны для земледелия. Интенсивный культурный и экономический обмен происходит в зонах контакта. Ассимиляция и аккультурация взаимны – метисные сообщества «живут в двух мирах»: усвоив две культуры, они более эффективно общаются с властью, владея традиционными знаниями аборигенов. Отторжения чужого сакрального не происходит, православие «наслаивается» на анимизм и шаманизм, образуя мировоззренческие сплавы. Крещение не влекло за собой отказа от поклонения духам, религиозный синкретизм актуален и сейчас [5].

Стратегическая цель государства – обживая, «держат» огромные территории, отличающиеся суровостью природной среды, – выражена в Уставе об управлении инородцев 1822 г. Управленческая инфраструктура, созданная на его основе, эффективно регулировала отношения КМНС, власти и местных крестьянских общин [6]. В подтверждение находим множество исторических документов – сводок о числе добытого зверя и птицы, о числе душ инородцев и местах их кочевания, о работе хлебозапасных магазинов, страхующих «инородцев» на случай голодных периодов. Земельные конфликты между тунгусами и крестьянами чаще разрешались в пользу аборигенов. Ареальный рисунок хозяйственной деятельности изменился, появились контактные зоны – очаги земледельческо-промыслово-оленоводческого природопользования, которые со временем вливались в массивы крестьянских земель. Таким образом, трансформация исходных этноэкономических моделей происходила при сохранности мировоззренческого одушевления территории. К началу XX в. хозяйство аборигенных этносов Прибайкалья не было однотипным, вариации этноэкономических систем включали различные сочетания охотничьего промысла, оленеводства, рыболовства у эвенков и тофов, оленеводства, рыболовства, скотоводства и земледелия у эвенков.

После Октябрьской революции курс Комитета по развитию северных окраин (Комитета Севера) наследовал традицию учета обратной связи при проведении социально-экономических преобразований. Протекционистская политика включала в себя ключевой вопрос – землеустройство КМНС и защиту их территорий от посягательств пришлого населения. Было запланировано создание сети туземных («туземец» – официальный термин начала советского периода в отношении

коренных народов Сибири) охотничьих хозяйств. Центр охотхозяйства – культурная база («культбаза»), где должны работать школа, медпункт, совет, точка снабжения продовольствием, боеприпасами и товарами первой необходимости. Культбазы также нужны были для подготовки населения к постепенному оседанию, демонстрации преимуществ полуседлого хозяйства, включающего скотоводство и огородничество [7]. Данная рациональная стратегия не успела реализоваться.

Курс 1930-х гг. на ускоренную коллективизацию сформировал унифицированную экономическую модель. Ей свойственны минимальный учет природных условий и традиций природопользования, разделение хозяйственного комплекса на «отрасли», превращение родовых территорий в охотничьи участки. Перевод на оседлость кардинально изменил ритмы жизненного цикла, способствовал внедрению рационалистических ценностей отношения к ландшафтам. В общественное сознание внедрялись «пролетарские ценности», распространялся миф о борьбе туземного пролетариата против шаманов и кулаков и спасении сибирских народов от вымирания.

Освоение природных ресурсов Прибайкалья, индустриализация и рост городов в 1950–1970-е гг. не просто сдвинули ареалы аборигенов (теперь уже в рамках совхозов и колхозов), а способствовали замене территориальных смыслов. Укрупнение сельских поселений середины 1960-х гг. стерло с карты множество населенных пунктов, к которым еще были привязаны трансформированные полукочевые культуры. В это время происходит окончательное вовлечение недавних кочевников в единую политико-экономическую систему СССР. Реакцией становится девиантное поведение как отклик на ломку образа жизни. Размывание обычаев, духовной составляющей традиционного природопользования приводит к формированию новых территориальных ценностей. Они значительно редуцированы, мощный пласт знаний коренных народов утрачен, восполнение его происходит с опорой на специалистов-этнологов по сценарию «культурной инсценировки».

С наступлением перестройки распространяются идеи национального возрождения, декларируются ценности этничности, диагностируются болевые точки развития КМНС. Экономический кризис 1990-х гг. обострил проблему выживания сельских сообществ, независимо от их национальной принадлежности, поэтому связь с территорией акцентировала прежде всего жизнеобеспечивающие функции. В последнее время внедрение новых стандартов потребления, приход в тайгу добывающей промышленности, интернета и современных информационно-коммуникационных технологий углубили социальные и культурные контрасты. Неустойчивость этноэкономических систем связана с отказом от стратегий государственного протекционизма, размыванием ценностей ландшафта, акцентом на их утилитарных сторонах. Следует отметить тенденции возрождения архаичных практик – натурального обмена, бытовавшего сотни лет между КМНС и крестьянским населением. У современных тофов и эвенков отмечаются признаки экономической, экологической и психологической фрустрации [8]. Стремление подчеркнуть этническую самоидентификацию как представителей народов Севера не рассматривается населением только в контексте льгот, которые сейчас невелики. Скорее, оно нацелено на сохранение этнохозяйственных связей, включая ценностную грань взаимоотношений человека и ландшафта.

Ссылки:

1. Buchecker M., Kianicka S., Junker B. Value Systems: Drivers of Human-Landscape Interactions // *A Changing World*. 2007. P. 7–26.
2. Ingold T. The Temporality of the Landscape // *Contemporary Archaeology in Theory: The New Pragmatism* / ed. by R.W. Preucel, S.A. Mrozovski. N. Y., 2010. P. 59–76.
3. Sirina A.A. People Who Feel the Land: The Ecological Ethic of the Evenki and Eveny // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2008. Vol. 47, no. 3. P. 9–37.
4. Denevan W.M. The “Pristine Myth” Revisited // *Geographical Review*. 2011. Vol. 101, no. 4. P. 576–591. <https://doi.org/10.1111/j.1931-0846.2011.00118.x>.
5. Харитоновна В.И. «А у нас все шаманы – православные...»: современный (нео)шаманизм и проблема культурной идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2016. № 1. С. 105–133. <https://doi.org/10.17223/2312461X/11/8>.
6. Статус малочисленных народов России. Правовые акты. Кн. 2 / сост. В.А. Кряжков. М., 1999. 488 с.
7. Петри Б.Э. Проект культбазы для малых народов Сибири. Томск, 1928.
8. Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / отв. ред. Н.И. Новикова, Д.А. Функ. М., 2012. 204 с.

References:

- Buchecker, M, Kianicka, S & Junker, B 2007, 'Value Systems: Drivers of Human-Landscape Interactions', *A Changing World*, pp. 7–26. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-4436-6_2.
- Denevan, WM 2011, 'The “Pristine Myth” Revisited', *Geographical Review*, vol. 101, no. 4, pp. 576–591. <https://doi.org/10.1111/j.1931-0846.2011.00118.x>.
- Ingold, T, Preucel, RW & Mrozovski, SA (eds.) 2010, 'The Temporality of the Landscape', *Contemporary Archaeology in Theory: The New Pragmatism*, New York, pp. 59–76.

- Kharitonova, VI 2016, “Our shamans are all Orthodox Christians...”: modern (neo)shamanism and the issue of cultural identity’, *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 105-133. <https://doi.org/10.17223/2312461X/11/8>.
- Kryazhkov, VA (comp.) 1999, *Status of the indigenous peoples in Russia. Laws and regulations*, book 2, Moscow, 488 p., (in Russian).
- Novikov, NI & Funk, DA (eds.) 2012, *North and northerners. The current situation of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia*, Moscow, 204 p., (in Russian).
- Petri, BE 1928, *The project of a cultural base for the Siberian indigenous peoples*, Tomsk, (in Russian).
- Sirina, AA 2008, ‘People Who Feel the Land: The Ecological Ethic of the Evenki and Eveny’, *Anthropology & Archeology of Eurasia*, vol. 47, no. 3, pp. 9–37. <https://doi.org/10.2753/aae1061-1959470301>.